

Решения комиссии были поддержаны и новым военным командованием. Так, резолюция Главного командующего армиями Западного фронта по поводу ее постановлений гласила: «В общем изложенное правильно и справедливо, так как все эти лица достаточно послужили в тылу – пусть послужат и в передовых линиях...». Сожаление Главного командующего вызвал лишь тот факт, что направлять жандармов и полицию на передовую можно было только по распоряжению Военного министерства, а такового распоряжения еще не поступало.

В ответ на постановление Объединенной комиссии из Главного управления Генерального Штаба сообщили, что тотальное направление жандармов на передовую полностью развалило контрразведывательную работу фронтов (руководство российской контрразведкой практически полностью находилось в руках жандармских офицеров). Понимая, что уже ничего нельзя вернуть, Главное Управление попросило хотя бы претворять в жизнь подобные постановления постепенно, «чтобы делу контрразведки не было нанесено ущерба». Тем не менее, армейская разведка и контрразведка в очень короткий срок были практически развалены, исчезла военная цензура. Требование свободы слова давало возможность журналистам публиковать в открытой печати любые данные, даже те, которые представляли военную тайну. Такое положение дел продолжалось несколько месяцев, и в середине лета 1917 г. Временное правительство вынуждено было вернуть цензуру, поскольку с февраля 1917 г. противник мог даже не утруждать себя разведкой, узнавая о положении и планах русских войск из журналистских репортажей, открыто печатавшихся в официальных газетах.

Попавшие на передовую бывшие жандармы и полицейские зачастую оказывались одними из самых боеспособных солдат в период повальной деградации воинской дисциплины и разложения армии. В частности, по воспоминаниям одного из бывших жандармских офицеров, кавалерийское подразделение, в которое попали бывшие сотрудники политической полиции, настолько увлеклось празднованием новых революционных праздников, что не могло остановиться несколько дней. В результате чего многие лошади пали от того, что почти неделю их никто не кормил. И лишь бывшие жандармы, далекие от революционной эйфории, сохранили свою боеспособность. Ни одна их лошадь не погибла. Командованию даже пришлось устроить показательное мероприятие и поставить бывших «слуг царского режима» в пример военным служащим «народной революционной армии».

Естественно, что бывшие сотрудники полиции и жандармерии негативно отнеслись к событиям Февральской революции по причине своего статуса. Революционная действительность не только разрушала их идеалы, но и ставила их самих в положение врагов. Новая власть не старалась использовать бывших сотрудников полиции и жандармерии, исходя из специфики их профессиональной подготовки. В результате бывшие жандармы и полицейские направлялись на передовую в пехоту или кавалерию, а их место заняла совершенно не готовая к выполнению таких специфических функций народная милиция.

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов

ПРАВОВОЕ РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКИХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1953 гг.)

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. помимо неисчислимых бед и страданий, человеческих утрат и потерь материального характера принесла стране и народу массовую детскую беспризорность, безнадзорность и сопутствующую им преступность несовершеннолетних. В целях успешной борьбы с преодолением подростковой преступности от государства требовалось решение проблемы временной изоляции, размещения и содержания малолетних правонарушителей. Еще до войны в Советском Союзе была достаточно широкая сеть исправительно-трудовых учреждений для несовершеннолетних преступников, среди которых функционировали следующие типы лагерей: воспитательно-карательные учреждения (реформатории), предназначенные в основном для несовершеннолетних правонарушителей и исправительно-трудовые колонии, действовавшие с начала 20-х гг. до 1956 г. для малолетних преступников (с 14 до 18 лет), а с 1935 г. – с 12 лет. В БССР действовали 3 колонии в Бобруйске, Витебске и Могилеве.

Однако в стране помимо несовершеннолетних преступников имела значительная масса детей и подростков-сирот или потерявших временно связь с семьями, хотя и не совершивших преступления, но по своему асоциальному поведению не подлежащих помещению в детские учреждения нормального типа – детские дома, нормальные школы ФЗО и ремесленные училища, в приемные семьи на патронат, под опеку и др. Но и изоляция их от общества в исправительно-трудовых колониях для несовершеннолетних, осужденных судами, также не представлялась целесообразной. Для них исправительные колонии стали бы преступными «университетами» и способствовали бы пополнению взрослой преступности молодыми «рекрутами».

Подобная ситуация вызвала со стороны государства потребность принятия незамедлительных организационных и правовых мер, что нашло выражение в появлении целого комплекса нормативных правовых актов. Уже 15 июня 1943 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», где НКВД СССР поручалось в дополнение к действовавшим исправительно-трудовым колониям для детей и подростков, осужденных судами, создать трудовые воспитательные колонии для временного содержания, воспитания и образования беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, совершивших незначительные правонарушения. В отличие от детских трудовых колоний они не считались местом отбывания наказания, в них действовали общеобразовательные школы. Так, 21 июня 1943 г. была утверждена совместная инструкция НКВД, НК юстиции и прокуратуры СССР «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР», согласно которой в данные колонии направлялись подростки в возрасте от 11 до 16 лет, не имевшие родителей,

задержанные за незначительные правонарушения (хулиганство, мелкие кражи и др.), воспитанники детдомов, систематически нарушавшие дисциплину. Таким образом, законодательно были оформлены два типа учреждений для несовершеннолетних правонарушителей: для осужденных судом к различным срокам наказания (деятельность исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних регламентировалась «Положением о трудовых колониях для несовершеннолетних преступников», принятым в 1942 г. приказом НКВД СССР № 001394) и трудовые воспитательные колонии, существенно различавшиеся по режиму и содержанию. В документах особо подчеркивалось, что пребывание в ТВК не считалось судимостью и не влекло никаких правовых последствий для воспитанников при их вступлении во взрослую жизнь.

Более конкретно состав контингента воспитательных колоний определяло «Временное положение о трудовых воспитательных колониях», объявленное в 1943 г. циркуляром НКВД СССР № 462. Однако его пробелы и несовершенство обусловили введение приказом МВД СССР № 0311 от 19 мая 1946 г. «Положения о трудовых воспитательных колониях МВД», а также «Правил внутреннего распорядка в трудовых воспитательных колониях МВД» и «Инструкции о порядке содержания воспитанников в штрафной комнате трудовой воспитательной колонии МВД». Эти документы четко определяли все стороны жизни и деятельности ДТВК и обязанности персонала, содержали общие положения о ТВК, порядок приема детей и подростков, направления учебно-воспитательной работы, производственного обучения и трудового воспитания (дети и подростки в колониях содержались до получения специальности), режим содержания, медико-санитарное и интendantское обслуживание. Важным было и то, что офицеры – постоянный состав колоний – приравнивались к действующему составу МВД и проходили службу в соответствии с «Положением о прохождении службы начальствующим составом НКВД СССР» (а это и звания, оклад, выслуга, пенсии, награды и др.). «Правила внутреннего распорядка в ТВК МВД» содержали права и обязанности воспитанников в учебе, производстве, общежитии, предусматривали меры поощрения и наказания. Позже появилось детальное «Положение о трудовых воспитательных колониях МВД», введенное приказом МВД СССР № 0311 от 19 мая 1949 г., где приводился более подробный перечень категорий лиц, подлежащих направлению в подобные колонии. Таким образом, еще во время войны была заложена законодательная база комплектования и функционирования системы исправительных и исправительно-трудовых учреждений НКВД для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей. В дальнейшем их организация неоднократно корректировалась как правительством страны (и БССР соответственно), так и ведомством – НКВД/МВД. Так, 23 сентября 1948 г. МВД СССР своим приказом утвердило новое Положение «О трудовых колониях несовершеннолетних», а 17 мая 1949 г. издало приказ № 0307 «Об улучшении работы детских колоний Министерства внутренних дел», где наряду с успехами указывалось на ряд недостатков в работе детских колоний, низкий уровень режима и дисциплины.

Во исполнение решений правительства СССР в БССР еще в 1944 г. началась работа по организации детских исправительных и воспитательных учреждений. Уже в марте 1944 г. НКВД БССР приступил к организации трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних – в Речице и Мозыре. Постановлением СНК БССР № 41 от 17 января 1945 г. была утверждена сеть трех детских трудовых воспитательных колоний. В первые послевоенные годы в республике в данном направлении была проделана огромная работа. Примечательно, что в феврале 1945 г. за успешную работу по организации детских трудовых воспитательных колоний приказом Наркома внутренних дел СССР № 58 ряд сотрудников НКВД БССР были награждены именными часами. В начале 1945 г. в БССР были организованы три детские колонии, к началу 1948 г. их было уже четыре, а в середине 1950 г. в республике насчитывалось пять колоний для несовершеннолетних двух типов: Могилевская и Лидская детские трудовые воспитательные, Бобруйская и Витебская детские трудовые колонии и Полоцкая специальная трудовая колония. В начале 50-х гг. «вал» преступности и беспорядочности в республике резко пошел на спад, что выразилось в ненаполняемости существующих колоний. В конце 1952 г. в республике действовало три детских трудовых и трудовых воспитательных колонии: Бобруйская, Могилевская и Витебская.

Вышеприведенные (и не упомянутые в силу ограниченного объема материала) нормативные правовые акты, регламентировавшие организацию и функционирование исправительных трудовых и воспитательных учреждений в системе НКВД/МВД, имели большое организационное и мобилизующее значение в деле исправления несовершеннолетних правонарушителей и возвращения их к нормальной трудовой жизни на благо страны.

УДК 343.8

Т.А. Казакова

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В РОССИИ

Вопросы предупреждения преступности несовершеннолетних в России всегда были и остаются предметом целенаправленной политики государства, в различные периоды исторического развития которого они решались по-разному.

Наказание как способ реагирования людей, имеющих какую-либо власть, на нарушение другим человеком определенных норм и правил, а также приостановления неодобряемого поведения, защиты от нарушений установленного порядка известно давно. Глубокие исторические корни имеют и попытки учесть не только характер проступка, но и личность правонарушителя, а также определить соответственно им вид наказания и порядок его исполнения.

Детский возраст во всем цивилизованном обществе издавна признавался смягчающим вину нарушителя обстоятельством. При этом отчетливо проявлялась закономерность: чем меньше возраст совершившего проступок ребенка, тем больше должно содержаться педагогического смысла (составляющей) в избираемой мере наказания как способа воздействия и исправления. Наказание, как правило, осуществлялось родителями несовершеннолетнего в форме словесного или физиче-